

ВОКРУГ **СВЕТА**
7 1977
ИЮЛЬ

Л. В. ШАПОШНИКОВА
Фото автора

РАССКАЗ ОБ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В то лето, лето 1926 года, Алтай заливали дожди. Дороги были размыты, жирная, черная грязь превратила их в предательские болота. Мутная вода заполняла до краев дорожные ухабы. Четыре подводы, нутжно скрипя колесами, двигались в направлении села Алтайского. Сумерки сгущались... Время от времени подводы попадали в ухабы, и тогда лошади, напрягаясь, с трудом выволакивали их. Сидевший на первой подводе главный возница, по фамилии Эдоков, немолодой и грузный алтаец, лениво покрикивал на лошадей и затягивал только одну ему понятную песню без слов. Эдокову не хотелось разговаривать с людьми, ехавшими на подводах. Ибо в том, что они оказались ночью на этой безнадежной дороге, был виноват он, Эдоков. Он сбился с пути и признаться в этом не мог. Иногда рядом с возницей возникали фигуры всадников. Их было трое. Седо-

АЛТАЙ: ПО ПУТИ РЕРИХА

бородый, его сын и третий, низко припадавший к седлу. Ленивый и нелюбопытный возница не знал, что седобородый, его сын и жена, ехавшая на подводе вместе с молодой женщиной, уже прошли Индию и Китай и должны были пересечь Монголию и Тибет. Он не знал, что шестой их спутник с бесстрастным узким лицом был ламой из Тибета и носил имя Геген. Лама сидел на последней подводе, промокший и продрогший, перебирая бесконечную нить сандаловых четок. Наконец, в темноте, где-то в стороне от дороги, мелькнул огонек.

— Это что? — спросили Эдокова из темноты.

Над зеленым холмом, где стояли менгиры, поднималась синяя гряда гор. И снова что-то знакомое почудилось в облике этого ландшафта. Наверное, я не ошиблась: картина Рериха «Страж пустыни»...

— Однако, село, — ответил тот не очень уверенно.

Через некоторое время появилось еще несколько огоньков. Это было Алтайское. На утопавших в грязи и темноте улицах села не было ни души. С трудом нашли постоянный двор, большую неопрятную избу.

— Вот, — сказал хозяин, указывая на длинный неубранный стол. — Располагайтесь.

Все шестеро уселись на скамью и, опершись локтями на стол, задремали.

Так начиналась эта экспедиция по Алтаю, организатором которой был великий русский художник Николай Константинович Рерих, а участниками — его жена Елена Ивановна и сын, тогда еще молодой востоковед, Юрий Николаевич. Разрешение на экспедицию по территории нашей страны Рерихи получили от Советского правительства в Москве; там же, в Москве, к ним присоединились и два сотрудника, работавшие в рериховских организациях в Америке, — З. Г. Фосдик и М. М. Лихтман. Алтайский маршрут был частью большой Центрально-Азиатской экспедиции Рериха, той самой экспедиции, которая началась в 1924 году в Индии и окончилась в 1928 году в Сиккиме¹. Рерихи прошли Китай, проехали советскую Сибирь, исследовали Тибет, пересекли Трансгималаи. Сам Николай Константинович назвал эту экспедицию научно-художественной. «Мы имели в виду, — писал он, — ознакомиться с положением памятников древности Центральной Азии, наблюдать современное состояние религии, обычаев и отметить следы великого переселения народов. Эта последняя задача издавна была близка мне». Алтай же, по справедливому мнению художника, был одним из важных пунктов в переселении народов в отдаленном прошлом.

До села Алтайского были уже Новосибирск, Барнаул, Бийск. Из Алтайского экспедиция двинулась по той же размытой дороге на юг, туда, где за Катунским хребтом белела снежная двуглавая вершина самой высокой горы Алтая — Белухи. Снова натажно скрипели колеса подвод, снова из тумана появлялись бревенчатые избы деревень, и снова лили дожди...

После переправы через реку Эдигол дождь поутих, и с перевала открылась панорама Алтая. Рерих записал в своем дневнике: «А когда перевалили Эдигол, раскинулась ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов, забелела дальними снегами. Встали трава и цветы в рост всадников. И коней не найдешь. Такой травный убор нигде не видали». Позже он запишет: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?»

Так мог сказать только художник. Но Рерих был и ученым. Он отыскивает зримые приметы далекого прошлого: древние курганы, менгиры, каменные изваяния, чьи загадочные лица повернуты на восток. Жадно ловит обрывки легенд и выводит эти легенды за пределы Алтая, пытается найти их отголоски в фольклоре других, далеких народов. Сказание о «курумчинских кузнецах» вызывает у него воспоминание о сказочных Нибелунгах Европы, легенда о «Чуди, ушедшей под землю» связывается с индийским сказанием о подземном народе Агарты. И снова он записывает в дневнике: «В пределах Алтая можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедшей здесь племенах». Все это материалы для будущих размышлений и дальнейших исследований.

Экспедиция Рериха идет по Алтаю в трудное время: совсем недавно отгремела гражданская война. Долгая и кровавая. Белогвардейские банды откатывались из Сибири на Алтай, пытались укрыться в горах. Их ликвидация была драматической и принесла немало жертв. «Все носит следы гражданской войны, — писал Рерих. — Здесь на Чуйском тракте засадою был уничтожен красный полк. На вершине лежат красные комиссары. Много могил по путям, и около них растет новая, густая трава».

Рерих умел мыслить и категориями будущего. В еще не устроенной жизни Алтая тех лет он бережно отыскивает ростки этого будущего. Пишет о кооперативах, о новых машинах, о восстановительной работе. Прекрасно понимая хозяйственное значение Алтая, справедливо отмечает: «Эта строительная хозяйственность — нетронутые недра, радиоактивность, травы выше всадника, лес,

скотоводство, гремящие реки, зовущие к электрификации, — все это придает Алтаю незабываемое значение». Жизнь потом полностью подтвердит эти строки.

Через Абай и Кырлык экспедиция двигалась к Усть-Коксе. Где-то по дороге с большим облегчением расстались с возницей Эдоковым. Дождливой ночью совершили опасную переправу через Синий Яр и Громатуху. Развалилась уже вторая подвода, в которой ехал лама Геген. Лошади, запряженные в нее, испугавшись чего-то, понесли, лама успел выпрыгнуть, но подвода разбилась. Четыре дня подряд шел проливной дождь. Казалось, начинается всемирный потоп. Вещи, лежавшие на подводах, были мокрыми, чемоданы разбухли, а самих путников не спасали ни плащи, ни зонты. Из Усть-Коксы на пароме переправились на противоположный берег Катунь. Паромщика на месте не оказалось, и Юрий Николаевич вместе с Лихтманом и Гегеном толкали паром.

Село Верхний Уймон, куда прибыли после переправы, было добротным и крепким. Обнесенное со всех сторон массивными изгородями, напоминавшими деревянные укрепления древнерусских поселений, оно привольно раскинулось в речной долине. В селе жили староверы, или, как их называли еще, кержаки. Народ крепкий и замкнутый. Предки верхнеуимонцев, спасая старую веру от новшеств царя Петра, пришли сюда из европейской России еще в XVIII веке. Здесь, в этих глухих благодатных местах, они зажили своей особой жизнью, сохраняя все, что привезли с собой с далекой родины.

Появление подвод с незнакомыми людьми вызвало острое любопытство уимонцев. Однако подойти и расспросить никто не решился. Старая вера не позволяла так просто заговорить с чужим. Проплутав по улицам, путешественники остановились у рубленого двухэтажного дома. Дом принадлежал Вахрамееву Атаманову. Николай Константинович поднялся на ступеньки и постучал в дверь. Сначала никто не отзывался, затем на пороге появился сам хозяин. Из-под нависших бровей на Рериха мрачно уставились настороженные глаза.

— Что надо? — не очень приветливо спросил хозяин.

— Мы бы хотели снять у вас помещение, — ответил художник.

— Кто указал?

Рерих что-то ответил, но его спутники не расслышали, что именно.

¹ См. «Вокруг света» № 3—4 за 1972 год. Необходимые подробности для рассказа об Алтайском маршруте были сообщены автору участницей экспедиции Зинаидой Григорьевной Фосдик, хранителем Музея Рериха в Нью-Йорке.

— Входите, — сказал Атаманов и повел прибывших на второй этаж.

С того дня этот дом стал штаб-квартирой Центрально-Азиатской экспедиции, а село Верхний Уймон тем местом, откуда начались ее радиальные конные маршруты. Катунский хребет, Терек-гинский хребет, по Катуну до Катанды и Тунгура, долина Кучерлы, устье реки Ак-Кем и, наконец, Белуха. Постоянным проводником Рерихов стал Вахрамеем Атаманов, личность незаурядная. Николай Константинович сравнивал его с Пантелеем Целителем. Тем Пантелеем, чья высокая худощавая фигура изображена на одной из рериховских картин. Вахрамеем любил природу и хорошо ее понимал. «Он, по заветам мудрых, — писал о нем Рерих, — ничему не удивляется: он знает и руды, знает и маралов, знает и человек, а главное и заветное — знает он травки и цветики».

Около месяца провели Рерихи на Алтае. Они собирали минералы, интересовались целебными травами, обследовали древние курганы и наскальные рисунки. Внимание самого Рериха неизменно приковывали Белуха и легенды, связанные с нею. В них сквозило что-то недосказанное и запредельное. Отзвуки необычных событий, намеки на великих странников, неожиданно являвшихся людям, слухи о тайных местах в горах и, наконец, рассказы о чудесной стране Беловодье — все это сплеталось в причудливые узоры народной фантазии и полузабытой реальности. И Рерих ищет следы этой реальности, которые дают о себе знать самым неожиданным образом. «В светлице рядом на стене написана красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда? Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ? Вода в Ак-Кеме молочного-белая. Чистое беловодье, через Ак-Кем проходит пятидесятая широта». Кажется, что сведения, сообщенные здесь Рерихом, носят отрывочный характер и не связаны друг с другом. Но художник знает больше, чем слышит. И это знание позволяет ему связывать воедино разрозненные факты. Староверческое Беловодье и индийская Шамбала — источник один, извечная мечта человека о стране справедливости. Алтайский Белый Бурхан напоминает индийского Будду. Может быть, он когда-то проходил по Алтаю? Ведь Алтай и Гималаи — единая горная система. Бесконечны ходы неизведанных пещер. «От Тибета через Кунь-

лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спаслись в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в жар-цвет».

В середине августа наступили ясные дни, а на горах уже выпал снег. Воздух стал прозрачным, и хорошо просматривались дали. 19 августа 1926 года экспедиция Рериха двинулась в обратный путь, через Бийск на Улан-Удэ, оттуда в Монголию. Николай Константинович опубликовал несколько лет спустя скупые заметки об Алтае в книгах «Сердце Азии» и «Алтай — Гималаи». В этой кажущейся скупости было что-то личное, какое-то бережное отношение к местам, где «явь соединялась со сказкой».

В ПОИСКАХ ПРОШЛОГО

Спустя полвека я решила повторить Алтайский маршрут Рериха. Мысль эта возникла после знакомства с его домом в гималайской долине Кулу, после долгих месяцев работы над документальным фильмом о художнике-ученом. Мне хотелось познакомиться с древними памятниками, которые видел или мог видеть Рерих.

Рассказ о своем путешествии я могла бы начать так же, как и первую главу: «В то лето 1976 года Алтай заливали дожди...» Проливной дождь стучал в окна Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, где меня принимал его директор Павел Егорович Тадыев. Павел Егорович рассказывал об археологических экспедициях института, о древних курганах, о каменных «бабах» Курая, наскальных рисунках Бичектубома и Елангаша...

— Не знаю, как другие считают, — говорил директор, — а я уверен, что Алтай, с точки зрения исторической, — один из богатейших районов. Действительно, Рерих был прав. Но тогда это еще было трудно определить. А ему, видите ли, удалось...

Из Горно-Алтайска мы держали путь на село Алтайское, а оттуда на юг, через Усть-Кан и Усть-Коксу на Верхний Уймон. Это была дорога рериховской экспедиции. Наш «уазик» бойко петлял меж низких гор и холмов, покрытых травой. Временами сквозь тучи прорывались солнечные лучи, и тогда предгорья вспыхивали синими, сиреневыми, желтыми, лиловыми, красными цве-

тами. Я никогда не видела такого обильного разноцветья. Вот здесь рождается знаменитый алтайский мед, по своим целебным качествам превосходящий даже мед Кашмирских Гималаев. Несмотря на дождь, воздух сохранял ту удивительную прозрачность, которую можно наблюдать только в горах. Мы проехали Алтайское, в котором давно уже не было постоянного двора, где за столом дремали участники экспедиции Рериха. Зато были каменные дома и дымящие трубы завода, придававшие Алтайскому городской вид. От Алтайского дорога нырнула в лес и пошла по берегу мирно шумевшей горной реки. И тут нас настиг дождь, но уже с градом. Грунтовая дорога раскисла, жирный чернозем стекал со склонов. Мотор натужно, рывком, и колеса безуспешно боролись с потоками грязи. Между Куяганом и Таураком «уазик» прощально всхлипнул и умолк. Шофер Женя, синеглазый и отрешенный, сказал «все» — и устало опустил руки. Машина прочно сидела в колее на склоне, а внизу, в цветущей пойме реки, стояли две палатки и паслось несколько лошадей. Было очень тихо, и я услышала, как позванивают колокольчики, привязанные к шеям лошадей.

Шлепая по грязи, я направилась к палаткам. Навстречу мне вышла бабка в длинной цветастой юбке, в красном платке, низко надвинутом на лоб, с пронзительными черными глазами. Выражение загадочности, отблеск колючей тысячелетней жизни лежал на ее темном морщинистом лице. Мне показалось, что она должна сделать что-то необычное... Но бабка с сожалением посмотрела на меня и деловито осведомилась:

— Сели?

— Сели, — растерянно подтвердила я.

Бабка Елена дала ряд технических советов, попеняла на отсутствие хорошего шоссе, похвалила мощность тракторов и пригласила выпить с ней чаю и послушать транзистор.

К вечеру раздался стук копыт, и «мужики» бабки Елены, два высоких крепких цыгана, которые пасли на горе сохосных овец, спустились на лошадях к реке. Вместе с ними мы толкали машину, но не двинули ее и на миллиметр. Только утром нас, со второго рывка, вытащил из колеи сохосный трактор.

В долине реки Черный Ануй мы разбили палатку на самом берегу. Вдоль берега тянулся луг, по-

крытый цветами, а за лугом высились скалистые горы. Где-то неподалеку от нашей палатки находилась знаменитая Черно-Ануйская пещера, которой интересовался и о которой писал Рерих. Самим найти ее в этом каменном лабиринте было трудно, и поэтому из села Черный Ануй привезли трех проводников. Это были мальчишки 8—12 лет, самые лучшие проводники на свете. И конечно, Черно-Ануйская пещера была для них как дом родной.

Пещера находилась в полутора километрах от нашей стоянки, и к ней мы вышли, пройдя через заросли высокого кустарника у подножия почти отвесной горы. Вход в пещеру был низким и напоминал арку довольно правильной формы. Арка вела в огромный каменный зал, высотой не менее 25 метров. Зал был величествен и строг и походил на помещение готического собора. Сходство усиливали два симметрично расположенных хода, между которыми образовалось некое подобие приземистой колонны, упиравшейся в каменный потолок. За этими ходами чудились длинные сводчатые коридоры... Я стояла посреди зала, и меня не покидало ощущение, что многое здесь сделано руками человека. Возможно, я и ошибалась. Сверху, через отверстие в потолке, в пещеру проникал рассеянный свет дождливого дня. Когда-то, очень давно, в пещере жили. Земляной пол пещеры был мягким и представлял собой столь желанный для археолога культурный слой, о котором говорил в Горно-Алтайске Павел Егорович Тадыев. Он был прав. Здесь надо было копать. Там, под этим мягким слоем, хранилась память каменного века, материализованная в наконечниках копий и холодном пепле человеческих очагов, пылавших тысячелетия назад.

Один из ходов оказался засыпанным, и луч моего фонаря уперся в груды крупных валунов. Вторым ход, начавшийся сводчатым коридором, неожиданно сужался до низкого лаза, по которому можно было только ползти, упираясь руками в мокрые, отсыревшие камни. Луч фонаря дробился в туманном воздухе и время от времени выхватывал из темноты фигуры химер, каких-то бородастых людей в остроконечных шапках, согнутых странников в старинных плащах. Но стоило приблизиться к этим барельефам — натекам, как химеры расплывались, а люди уходили в камень, словно растворяясь в нем. Так, может быть, когда-то они исчезали в темноте этого хода. А лаз все сужался и

сужался и наконец уперся в большой валун.

— Все, — сказали проводники. — Дальше нет даже щелочки.

Валун плотно прилегал к низкому нависшему потолку и упирался всей своей массой в неровный пол лаза. Я ударила ногой по полу, и он отозвался гулкой пустотой. Пустотой большого и просторного хода. Но мы были отрезаны от этого хода валуном. Как он здесь оказался и зачем? Куда вели эти ходы? Сколь далеко они шли? Кто высек прямую линию в каменном своде хода? Известковые химеры плясали по стенам, а старцы в остроконечных шапках хитро улыбались и молчали. Вспомнился Рерих: «Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицо темнее, чем наше. Одета в долгую рубашу, как бы в сарафан. Сроки на все особые». Женщина, говорят, вышла пещерным ходом. Вышла и ушла в легенду.

Легенды о вестниках, легенды о кладках. Они оплодотворяли творчество Рериха-художника и придавали его картинам то своеобразие, за которым стояли воспоминания о забытых тайнах и утерянном знании. Многие легенды навеяны таинственным миром пещер. Поэтому Рерих так интересовался ими, пытаясь найти какую-то реальную основу необычных легенд Алтая.

...Давно это было. Так давно, что люди уже забыли имя этого охотника. Он шел через горы по тропинкам, одному ему ведомым.

День был осенний, ясный, и охотник радовался солнцу, разноцветным деревьям, бодрящему воздуху. Охотник был удачливым человеком, и поэтому на нем была расшитая легкая шуба и новая шапка из лисьих хвостов. Он шел и пел. Пел о том, что видел. И вдруг песня его оборвалась. Ибо то, что он увидел, не укладывалось в эту песню. В песне можно было петь о солнце, о горах, о птицах, о шумевших желтых и красных листьях. Но нельзя было петь о веревке. А эта веревка висела среди обрывистых скал и уходила куда-то вверх.

— Ну и ну, — сказал охотник. — Зачем она здесь?

И, свернув с тропы, стал карабкаться по скалам вверх. Вскоре он увидел, что веревка укреплена на отвесной каменной стене. Охотник потянул за веревку — открылась каменная дверь. Охотник был молод и любопытен. Он смело вошел в пещеру и в изум-

лении остановился. Вся пещера была наполнена странным желтоватым сиянием. Через мгновение он понял, что сияние исходило от множества золотых вещей. Он сделал шаг, и его волосы под шапкой из лисьих хвостов зашевелились. Прямо на него пустыми глазницами смотрел человеческий череп. Теперь охотник разглядел, что это был скелет, привалившийся к куче золота. Охотник был не из робкого десятка, но ему вдруг стало страшно оставаться здесь. Он захотел сразу уйти, но потом подумал и взял одну золотую вещицу, а выйдя из пещеры, увидел, как дверь сама собой закрылась и ее очертания растворились... И хотя охотник принес с собой домой золотую вещицу, его рассказ о пещере с сокровищами никто не поверил. Многие ходили в то место, но ни веревки, ни двери не нашли. Потом охотник заболел и стал чахнуть на глазах. И люди сказали, что это случилось из-за золотой вещицы. Она попала к охотнику из заколдованного места. Тогда вещицу выбросили, а шаман много дней читал заклинания над больным. Говорят, что охотник выздоровел, но уже никогда не был таким сильным, как до этого. И больше никогда не ходил к той пещере, где лежал клад.

Рассказчик повернул ко мне свое лицо, и я увидела правильные, будто высеченные из желтой меди, его черты. Мы сидели на горе, у самой вершины которой находилась знаменитая Усть-Канская пещера, где когда-то жили неизвестные нам люди и где археологи нашли немало интересных реликвий. Но золота там не было. И тогда я вспомнила картину Рериха «Клад». Изломы скал, будто освещенные мгновенной вспышкой молнии. И в этом странном свете, в одно и то же время ослепительном и мягком, угадывается внутренность пещеры. Вереница людей в остроконечных шапках, согнувшихся под тяжелой ношей, идет через пещеру...

Алтайские чабаны приносят все новые легенды: о змее, высеченной на камне, о следе человеческой ноги на скале, о ненайденных медных рудниках Демидова, которые до сих пор кем-то охраняются. И каменные круги древних курганов, покоящиеся в узких солнечных долинах у Яконура, Усть-Кана, Верхнего Уймона, продолжают питать народную фантазию, вызывая в воображении загадочные племена, ушедшие под землю...

ВЕРХНИЙ УЙМОН

В село Верхний Уймон мы приехали вместе с Алексеем Кайдасыновичем Сакашевым, третьим секретарем Усть-Коксинского райкома партии. Говоря о Сакашеве, можно употребить множество эпитетов самого прекрасного звучания. Но самой главной чертой Алексея Кайдасыновича была острая заинтересованность во всем, что связано с его районом. Заинтересованность бескорыстная и всеобъемлющая.

— Вы знаете, — говорил мне Сакашев по дороге в Верхний Уймон, — на доме Атаманова мы повесили мемориальную доску, а там нужен музей...

— А деньги откуда взять? — задала я провокационный вопрос.

— Часть я уже достал, — заговорщицки сообщил он. — Но если бы еще кто-нибудь этим заинтересовался, мы смогли бы поднять это дело. Отреставрируем дом, — сказал Сакашев мечтательно, — восстановим обстановку, достанем рериховские книги и репродукции его картин. И будет у нас первый в Союзе музей Рериха. Здорово?

— Здорово! — согласилась я. Рериховский музей на далеком Алтае, в селе Верхний Уймон Усть-Коксинского района. Несколько неожиданный поворот судьбы памяти о выдающемся человеке, но какой прекрасный... И еще я подумала, что Сакашеву в этом отношении надо помочь. Все, кто в этом заинтересован, должны ему посодействовать.

За этим разговором я не заметила, как возникло в долине между двух горных хребтов обширное село. Наш «газик» доехал до центральной усадьбы совхоза и остановился у конторы. Я возлагала большие надежды на Верхний Уймон. Во-первых, хотела поговорить с теми, кто видел и помнил Рериха. Во-вторых, необходимо было достать проводника и лошадей для поездки по Катунскому хребту, где проходил один из радиальных маршрутов экспедиции. В-третьих, для такой поездки нужны были сапоги, в-четвертых... Сакашев все уладил за два часа. Познакомил меня с «очень необходимым человеком» — Матреной Лукиничной Коньшиной, сверкнул белозубой улыбкой и укатил в Усть-Коксу заниматься райкомовскими делами.

Матрена Лукинична, крупная, приветливая женщина, действительно оказалась «очень необходимым человеком». Она заведовала кадрами в совхозе, знала мно-

гое о Рерихе и вообще была в курсе всех событий на селе. В конце рабочего дня Матрена Лукинична нашла меня и, сердобольно поглядывая, пригласила переночевать у нее.

— Но я уже устроилась...

— Негоже, — возмутилась Матрена Лукинична, — одной ночевать в пустой квартире. Мой дед и отец всегда говорили: «Страннику надо дать приют».

...— Вот как бывает, — говорила она, когда мы сидели вечером, попивая чай с душистым алтайским медом, — приехал человек, пожил в селе и оставил о себе долгую память. И дом, где он жил, теперь стал знаменитым. А когда появился у нас, наверно, подумали — вот еще один странник. — И снова сердобольно посмотрела на меня. Сама Матрена Лукинична Рериха не помнила, была тогда еще слишком мала.

К концу нашего разговора я поняла, что приехала в Верхний Уймон слишком поздно.

— Где ж вы были раньше? — подтвердила мою мысль хозяйка. — Теперь вот все старики, видевшие его, померли. И Вахрамея Атаманова давно уже нет, и брат его Серапион помер, и Агафья, Вахрамеева дочь, преставилась в 1973 году. — Хозяйка горестно подперла щеку рукой.

Я с благодарностью вспомнила барнаульского художника Леопольда Романовича Цесюлевича, который сумел приехать в Верхний Уймон вовремя и застать еще многих стариков в живых. Он записал их воспоминания и опубликовал в журналах «Алтай» и «Сибирские огни».

Что же помнили о Рерихах? Одно свидетельство хотелось бы мне привести полностью. Оно удивительно своими жизненными деталями. Это рассказ дочери Вахрамея Атаманова — Агафьи Зубакиной. «Шибко хорошие люди были, — поведала она Леопольду Романовичу. — Молодожицы, разговорчивые. Сама (Елена Ивановна Рерих. — Л. Ш.) была вся беленькая, светлая. И волосы светлые и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое, очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Все на свете рассказывала. По младшему сыну (С. Н. Рерих. — Л. Ш.) скупала, плакала. Три года его не видела. Учился все где-то. Сам (Н. К. Рерих. — Л. Ш.) тоже весь светлый был. С седой бородой, в сером костюме, хоть и жарко на дворе, в тю-

бетейке. А поверх тюбетейки еще шляпу надевал. А глаза светлые, пристальные. Когда посмотрит, как будто насквозь видит. Много книг у него было. Сам все книги показывал, всяко разрисованные.

А Юра (Ю. Н. Рерих. — Л. Ш.) простой, простой был. Двадцать три года ему было. Молод был, а бороду не брил. Здесь рубашку купил коленкорovou зеленую. Навыпуск ее носил. Все в ней бегал. Мне та рубашка совсем не нравилась, как у всех мужиков. А она ему почему-то мила была. До дому хотел довезти. Осторожно велел стирать, чтобы не полиняла, не порвалась.

...В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. А придут вечером, переоденутся и опять за работу. Три минуты им дороги. Керосин не жгли. При свечах вечером жили. Старик больше у себя сидел, а Юра бегал или в горы выезжал. А иногда вместе ездили. И туда ездили, и туда. Во все стороны ездили. Мой батюшка их водил. И сама в горы ездила. Ей коня смиренного нашла. Здесь ездить училась. Говорила: «Теперь уже смелее езжу»¹.

Старики, с которыми разговаривал Цесюлевич, хорошо помнили подробности рериховских маршрутов по Катунскому и Теректинскому хребтам, по реке Кучерле, к подножию Белухи. Как-то Николай Константинович попросил показать ему места, где погибли участники гражданской войны. Его привели на Большой Белок — там были расстреляны одиннадцать красных партизан. Место расстрела не было ничем отмечено. Рерих установил на могиле гладкую каменную плиту и сам сделал на ней надпись. Он посетил скромный деревянный обелиск, поставленный в Тюнгури в память погибшего красного комиссара Петра Сухова.

И все-таки в Верхнем Уймоне кое-что осталось и на мою долю. И этой «долей» была Фекла Семеновна Бочкарева из большой староверческой семьи Атамановых.

Ее дом, добротный и, видимо, сделанный давно, стоял на окраинной улице села. Я поднялась на нижнюю ступеньку высокого крыльца и позвала:

— Фекла Семеновна!

Дверь неожиданно быстро отворилась, и на пороге показалась ладная, аккуратная старушка в длинной юбке. Темный платок скрывал лоб, а из-под платка не по-старушечьи, живо, смотрели умные и внимательные глаза.

¹ Л. Цесюлевич. Рерих на Алтае. — «Алтай», № 3, 1974.

— Это ж кто меня кликает? — удивленно спросила она.

Мы вошли в небольшую светлую горницу, где пахло травами и чистой. Добела отмытые половицы были застелены домоткаными дорожками.

— Ну, садись, — сказала хозяйка, показывая мне на стул. Сама она уселась на старинный сундук и положила сухие, пергаментные руки на растрепанный псалтырь.

...Она была еще девчонкой, когда эти, не совсем обычные люди появились здесь, в Верхнем Уймоне. Некоторые почему-то называли их американцами. Может быть, потому, что двое из них действительно были из Америки. Фекла занималась своими делами и не очень интересовалась прибывшими. Теперь она об этом жалеет.

— А самого так и звали, — продолжает Фекла, — «светлый с белой бородой». Так он и стоит передо мной, глаза строгие и иногда улыбочивые. И все-то он знал. Вот ты мне скажи, кто он был? — вдруг неожиданно вскидывается Фекла.

Я объясняю.

— Нет, я не про то. — И по старушечьим губам ползет загадочная улыбка.

— Вот слушай, раз он проезжал то место, где теперь стоит Тихонькое. Ты его видела, когда ехала сюда. Так вот он нашим мужикам говорит: здесь будет село. И правда, через десять лет заложили первые избы в Тихоньком. Как это понимать? — И сверлит меня неумным пристальным взглядом. — Или вот. Говорил, что меж Катандой и Уймоном, в долине, будет обязательно город. Звенигород — называл его. Пока еще его нет. Однако может быть. Построят ГЭС, проведут железную дорогу, и будет город. А место шибко красивое. Как ты думаешь?

Я охотно соглашаюсь и говорю, что Рерих был человеком проницательным.

— Понимаю, понимаю, — кивает Фекла, поправляя темный платок. — Говорят, в Индии у старцев, что в пещерах сидят, многому научился...

И слово «Индия» — название страны мне хорошо знакомой, неожиданно, но очень кстати, звучит в избе на краю далекого алтайского села. Потом Фекла рас-

Легенды о вестниках, легенды о кладах. Многие из них навеяны таинственным миром пещер...

Картина Рериха «Клад». Вход в Черно-Ануйскую пещеру.

сказывает о чудесной стране Беловодье, которая упрятана где-то за белыми снегами Белухи и куда ходили два мультипликационных мужика...

Приглушенный мягкий свет сумерек лился в окна горницы. На какое-то мгновение я ощутила атмосферу рериховского Уймона. Но мгновение нарушилось треском мотоцикла.

— Вот шалый, носит тебя, — в сердцах сказала Фекла.

Мотоцикл несло к конторе совхоза, где деловито урчали груженные сеном грузовики, делали

назначенный срок, ведя на поводу лошадей, явился ко мне Василий Михайлович Морозов, или попросту дед Василий. Дед был сухонький, поджарый. Рыжеватая борода его торчала победно и задиристо. А из-под клочковатых бровей на мир взирали с живым любопытством дедовы глаза.

— Ну, Васильевна, — сказал он, — лошади подкованы, однако, все в порядке, можем двигаться. И давай мы с тобой совершим большое путешествие. Вон какой простор! Однако, одну

рериховской экспедиции, можно было проехать только на лошади. Дед Василий, заметив мое состояние депрессии, бодряческим тоном воскликнул:

— Ничего, Васильевна! Это не смертельно!

С третьей попытки мне удалось сесть на лошадь. Трясаясь в непривычном для меня седле, я думала о том, хватит ли у меня воли и спортивного азарта выдержать вот так хотя бы два дня. Сегодня и завтра. Сегодня — туда, а завтра — обратно. Но мы вернулись в Верхний Уймон только через десять дней...

ПО КАТУНСКОМУ ХРЕБТУ

...Огонь очага в земляном полу то вспыхивает резко и ярко, то сникает, прижимаясь к шипящим сырým дровам. В неверном свете его проступают длинные сходящиеся где-то наверху жерди. Жерди крыты кусками толстой коры, прокопченной и древней. Дым синей струей тянется вверх. За стенами жилища стоит непроглядная тьма, порывы резкого холодного ветра сотрясают их, а дождь стучит по толстой коре. Тень человека со всклоченной бородой, подстегиваемая языками пламени, скачет по закопченным стенам. Человек поправляет над огнем куски шипящего мяса, и его морщинистое и древнее, такое же, как и кора, лицо становится временами задумчивым и отрешенным. И вдруг в шум дождя и ветра вплетается плач. Многоголосый и призывный. Горное эхо усиливает его, и он наполняет собой все вокруг. Пронзительная печаль этих тайных звуков воскрешает трагические фигуры древних плакальщиц, и кажется, не дождь с ветром, а их сломленные, обессиленные руки стучат по коре одинокой алтайской юрты.

Человек поднял лицо, вслушиваясь в плачущую ночь.

— Отара, — сказал он. — Однако, овцам тоже плохо в такую погоду. Ишь разблеялись, — и поправил раскаленные угли очага.

И все сразу встало на свои места. Ушедшее было вспять время вернулось, далекий предок вновь превратился в проводника деда Василия, древнее алтайское жилище стало юртой на стоянке совхозных чабанов, а плакальщицы растаяли в темноте ночи, оставив вместо себя отару совхозных овец.

— Ну, и ну, — только и нашлась я. — Надо же так блеять.

— Это потому что горы, —

С того момента, как мы с дедом Василием сели на лошадей в Верхнем Уймоне, я начала понимать, что значит конный маршрут в горах. Тот конный маршрут, которых так много было в экспедиции Рериха.

короткую стоянку тракторы и где барнаульские строители возводили каменные дома...

На следующий день, в точно

гору проедешь, встанет другая, и конца-края нет. А я давно уже там не был, — ноздри деда Василия вольно и хищно раздулись, а глаза подернулись мечтательной дымкой.

Я не разделяла его восторга. Дело в том, что я никогда не ездила верхом на лошади и даже никогда не садилась на нее. Но по Катунскому хребту, где проходил один из важных маршрутов

наставительно сказал дед, снимая с угляй готовый шашлык.

С того момента, когда я влезла на свою лошадь в Верхнем Уймоне, начала понимать, что значит конный маршрут в горах. Тот конный маршрут, которых так много было в экспедиции Рериха. Теперь, когда это все позади, я бы могла написать о мучительно затекавших ногах, о скользких каменистых тропинках, о круглых спусках и подъемах, на которых бока коней покрывались темным, едким потом, о ежедневном развьючивании и навьючивании, о нескончаемом дожде... Лошади мокли и неохотно шли дальше, а дед Василий надевал брезентовый плащ с капюшоном и от этого становился похожим на бродячего средневекового монаха. Из-под потемневшего от дождя капюшона торчала рыжеватая дедова борода, как всегда победно и задиристо.

— У, страмец! — покрикивал дед Василий на Гнедка или Серка. — Давай, двигай! Чего плетешься?

Слово «страмец» у деда Василия было самым сильным и универсальным. Трудная дорога — «страмная дорога». Дождь из «страмцов» не вылезал. Но, несмотря на мелкие конфликты, в которые входил Василий Михайлович с лошадьми, дорогой и погодой, он оказался отличным проводником, очень надежным и знающим. Даже приходя в остервенение от каких-либо неурядиц, он никогда не падал духом, произносил свою философскую фразу «это не смертельно» и быстро успокаивался. Мы проезжали обширные горные пастбища, перевалы, реки, тихие горные долины. Звучали старинные и мало-объяснимые названия: Малый Батун, Большой Батун, Холодный Белок, урочище Аланчакта, река Сугаш, перевал Залавок, река Зайчонок, перевалы Быстрый Собачий и Тихой Собачий, Большая речка, озеро Тайменное... К этому озеру мы и держали теперь путь.

Во время поездки я вела дневник. Дед Василий принимал в этом активное участие. На привале, вечерами мы садились у костра, и Василий Михайлович придирчиво проверял, правильно ли я записала название перевала или реки.

— Смотри, Васильевна, — говорил он мне, — не пропусти. Путешественник должен знать все...

Вот немногие выдержки из этого дневника.

«1 августа. Утром я смогла раз-

глядеть окрестности перевала Быстрый Собачий. Высота около двух тысяч метров над уровнем моря. Западный склон обрывается ущельем, на дне которого шумит река. На юге высятся изломанные пики хребта. Пики покрыты только что выпавшим снегом, за ними — сплошная снежная белизна высокогорья. Почему-то не хочется отсюда уезжать. Но надо выючить лошадей. Дед Василий торопит. «Все должно быть по плану», — говорит он. От этого перевала до реки Проездной двадцать пять километров. Проездная петляет среди лесистых склонов гор в узкой долине. Неожиданно для горной реки она оказывается широкой. Лошади, вступив в ее быстрый поток, фыркают и жмутся к берегу.

— Но, но! — кричит на них дед Василий. — Давай без дипломатии и маневров! Страмцы!

«Страмцы», напряженно прядая ушами, все-таки преодолевают реку. Вода плещется у самых сапог и предательски лижет их. Теперь, едем вдоль берега в направлении Большереченского перевала. Вдруг мой Серко нервно дергается, взвизгивает на дыбы и хрипит. Я тем не менее удерживаюсь в седле и посылаю Серка вперед. Ошеломленный внезапностью случившегося, дед Василий подбегает к уже успокоившемуся Серку, тычет ему в морду увесистым кулаком и говорит с укором:

— У-у...

Серко виновато опускает голову и косит крупным добрым глазом. Оказалось, что он наступил на осиное гнездо. У перевала Большереченского встали отвесные стены скал. В стенах какие-то темные ходы. Их кажущаяся правильность наводит на мысль о древнем скальном городе. У подножия скал небольшое горное озеро. Город отражается в озере, и в нем, отраженном, происходит какое-то движение. Серко усиленно сопит и пофыркивает, преодолевая крутой подъем. На перевале стоят два алтайских святилища. Аккуратные горки камней с березовыми веточками на вершинках. На веточках висят цветные лоскуты. С перевала видна узкая долина, зажатая между гор, по которой Большая речка чертит свои неожиданные узоры. Почти такие же узоры у синей реки на картине Рериха «Песнь о Шамбале». Летними месяцами в этой долине жил Серапион Атаманов, брат Вахрамея. С перевала ведем лошадей на поводу. Спуск крутой и скользкий. Тро-

пинка дождями превращена в жидкое болото. Ноги проваливаются по колено. Лошади спотыкаются и тоже проваливаются, доверчиво ставя копыта в наши следы. Вконец измотанные, мы достигаем долины, когда появляется первая звезда.

2 августа. Утром в долине выпал туман. Он плыл полосами по горам и кедровым зарослям. От этого очертания гор и деревьев странно менялись. Потом сквозь него пробились лучи солнца, и туман, долго сопротивляясь им, наконец отступил. Передо мной лежала долина, тихая и узкая, наполненная запахом цветов и неумолчным стрекотанием кузнечиков. Голубая река журчала на разноцветных камнях. В полдень раздался топот копыт, и перед нашей палаткой возникли два всадника.

— Здравствуйте, — солидно сказал один из них, лет шестнадцати от роду. — Мы вот чабаны, наша стоянка поблизости.

— Чабаны мы, — повторил второй, которому было и того меньше.

В это время появился дед Василий, и оба чабана радостно закричали:

— Дядя Василий! Дядя Василий!

— Слазьте, будете нам помогать, — сказал дед Василий.

Еще раз приказания повторять не пришлось. Позже появился третий. Узкоглазый, скуластый, со спокойными и солидными повадками взрослого чабана. Но все эти нарочитые повадки не могли скрыть мальчишеского любопытства к происходящему.

— А ты кто? — спросила я его.

— Майманов я, — ответил он басовито и начал старательно ввинчивать носок высокого чабанского сапога в сырую землю.

— Ишь ты, Майманов он, — засмеялся дед Василий. — Гордится, значит. Знаменитая чабанская династия, однако. Вот и сыновей на каникулах к делу приспособливает.

Майманов-младший задумчиво уставился на костер.

— Однако, куда едете? — немного погодя спросил он.

— На Тайменное.

— Ага. Мы там скоро будем».

На озеро Тайменное мы попали к концу того же дня, перевалив две крутых горы. Оно возникло внизу неожиданно, в котловине. Открылось сначала даже не водой, а призрачным отражением перевернутых гор и плывущих облаков. И только какое-то время спустя в этой нереальной игре изломанных линий и неуловимо ме-

няющихся, зарождающихся и исчезающих облаков, я заметила голубовато-зеленое зеркало воды. С севера это зеркало вплотную подступало к снежным горам, и его граница то исчезала, сливаясь со снежной белизной гор, то вспыхивала ослепительной голубизной — то ли неба, то ли воды... Все в этой картине было зыбко и неопределенно, и даже каменные уступы гор, казалось, двигались и менялись, послушно следуя за бегущими по ним теньями. И от этого плавного, но беспрестанного движения озеро казалось живым. Оно словно подчинялось чьему-то невидимому присутствию, скрытому в неверных очертаниях гор, неба и воды. «Озеро горных духов, — подумала я. — Никакое оно не Тайменное. Это слово придумали специально, чтобы скрыть что-то более значительное, что стоит за всем этим. Озеро горных духов».

— А красота-то, однако, какая! — вывел меня из задумчивости голос деда Василия. — Давно я здесь не был. А оно еще краше стало. Это же надо такое сотворить!

Лагерь мы разбили у самой воды, под высокими прибрежными кедрами. Погода неожиданно установилась, по утрам выпадал иней, а ночи были пронзительно звездными. И в этом звездном свете, рассеянном лунной дорожкой, в озере начиналась иная игра. Темные громады гор, голубовато мерцаая снегами, угрюмо надвигались на берега, сдвигали их, оставляя небольшое пространство воды, в которой холодно и неподвижно светились те же звезды. Потом полосы ночного тумана словно расчленили горы. И мерцающие вершины, оторванные от оснований,плыли к звездам, насыщались их светом и отдавали его воде.

Я вспомнила картину Рериха «Озеро нагов», и что-то неуловимо знакомое почудилось мне в ней. Так я все больше убеждалась, что постоянный отблеск Алтая лежит на многих его гималайских полотнах...

В Верхний Уймон мы вернулись за два дня, проведя в последний из них одиннадцать часов в седле. А потом из Усть-Коксы приехал «газик»; за его баранкой в спортивной куртке и лихо надвинутом берете сидел Алексей Кайдасынович Сакашев. И мы вдоль берега Катунь двинулись к Тюнгуру, мимо древних курганов Катанды. Это были такие же курганы, которые Рерих видел потом в Монголии, а позже и в Тибете...

Окончание следует

Мы летим над долиной реки Бартанг. Хребты, снежные пики, ледники... Вот он, Западный Памир. Пролетаем Барчидив — последний кишлак на пути к Сарезскому озеру. Ущелье становится все уже. Бартанг превращается из голубого в белый. До того большой уклон, что кажется — вода в реке кипит. А вот и знаменитый Усойский завал. Вода здесь фильтруется в нескольких местах, а чуть ниже все ручейки сливаются в буйную реку.

Завал огромен, но я на него почти не обращаю внимания: под нами Сарезское озеро! Колоссальные осыпи круто уходят под воду. В почти нереальной синеве озера угадывается большая глубина. Здесь она достигает пятисот метров...

Вертолет садится на площадке возле метеостанции Ирхт. Разгружаемся. Рядом с метеостанцией, у небольшой березовой рощицы, расположились палатки нашего базового лагеря.

А. ПОЛАД-ЗАДЕ,
студент географического
факультета МГУ

В палатке нас пятеро. Кроме меня, еще три студента Ташкентского университета — Мансур, Юсуф и Нурмат. Сотрудник Гидропроекта Сергей Шерман, начальник нашего гидрологического отряда, рассказывает о ближайших планах. Они таковы: завтра перебазироваться на завал. Далее Сергей и я проходим речушки до верховьев, желательн до ледников, попутно делая описания и выбирая створы для нивелировки, а остальные ребята занимаются устьями — измеряют расход воды, делают промеры глубин, изучают механический состав аллювия. Мы должны обследовать водотоки, чтобы знать возможности формирования селей, которые возникают здесь вследствие внезапных прорывов скопившейся талой воды. Одним словом, нам предстоит выяснить, где и как скапливалась, скопилась или может скопиться эта вода.

6 часов утра. Солнце еще не вышло из-за хребта, но уже освещены два остроконечных пика. Снег блестит так, что даже в темных очках режет глаза. «Прогресс», загруженный нашим

Фото автора и П. ПОГРЕБНОГО

№ 7 ИЮЛЬ 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Н. ЯНЬКОВ — БАМ пройдет по долине Чары	2-я стр. обл.
В. ВЕСЕНСКИЙ — Бой на Ривадавии	4
Дети всей планеты	9
С. БАРСОВ — «Наша земля — это море»	12
СЭЛЛИ ПЭКИТТ — Мальчик с Севера	19
Д. ШПАРО, А. ШУМИЛОВ — Путь, прочерченный пунктиром	22
В. ИСАКОВ — «Вся Россия к нам в гости ходит»	30
Л. МАРТЫНОВ — Танна-Тоа ждет Арчибальда	32
Л. В. ШАПОШНИКОВА — Алтай: по пути Рериха	36
А. ПОЛАД-ЗАДЕ — Возвращение к Сарезу	44
МОРИС КЕЙН — Джентльмен змеиноного мира	48
В. ДУРОВ — Приравнено к боевому подвигу	50
Е. БУТОРОВ — Бриллиантовая грань	52
ГАРА-ГАРА — Старина Мукаджи на крокодильях бегах	54
С. МИЛИН — Могут ли говорить «лесные люди»?	55
К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — Очень новая старая пагода	56
Ю. ХОЛОПОВ — Своевольная кудрина	62
ХЭММОНД ИННЕС — Белый юг	66
Н. СТАСОВ — На вес золота	74
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Н. БАРАТОВА — «Воду — на плечо!»	80

На первой странице обложки: **ИНДИЯ.** Праздничные качели в штате Раджастан.

Совсем маленькой может быть индийская деревня, совсем скромным празднество, но, пока не поставят столбы для качелей, нет настоящего веселья. Девушки устраивают соревнования: та, кто взлетит выше всех, найдет красивого жениха. И среди множества развлечений, которые может выбрать себе человек на празднике, ничто не сравнится популярностью с качелями...

В номере использованы фотографии из журналов «Атлас» (Франция), «Нэшнл джеографик» (США), «Ориентейшнз» (Гонконг).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-39; отделы «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-85; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1977 г.

Сдано в набор 5/IV 1977 г. Подп. к печати 14/VI 1977 г. А00669. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (учл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 500 000 экз. Зак. 833. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

«ВОДУ — НА ПЛЕЧО!»

Воду носят в ведрах на коромыслах или в бочонках, бутылках, бурдюках. Можно носить воду в больших высушенных тыквах-калебасах, можно — в глиняных или медных кувшинах на голове. Крестьянки народа минангкабау, живущего в центральной части острова Суматра, предпочитают для этого стволы бамбука.

Вообще бамбук пользуется у минангкабау заслуженным уважением. Его стволы идут на стены домов, перегородки, подпорки, листьями кроют остроугольные крыши. Из бамбука делают и музыкальные инструменты национального оркестра — гамелана. Незаменим бамбук и на кухне — из его молодых побегов хозяйки минангкабау готовят десятки блюд. А из стволов мастерят кухонную утварь: ложки, ведра и даже кастрюли для приготовления риса. Единственное неудобство — использовать кастрюлю можно лишь один раз — рис выкипит, а «кастрюля» совсем обуглится. Но это не беда, чего-чего, а бамбука на Суматре хватает; зато удобно — достаточно одного взгляда, чтобы знать: готов рис или нет.

Долго и верно служат в хозяйстве бамбуковые ведра. Но заготавливать их приходится впрок побольше. Самое лучшее время для «рубки ведер» — сухой сезон, всего три-четыре летних месяца. Бамбуковый ствол срезают так, чтобы он кончался перегородкой, и сушат на солнце. Сухой ствол (точнее, стебель — бамбук ведь трава) прочен и не разбухает от воды. Ведра делают разных размеров: для девочек — полметра, для женщин — метра по два. Вмещают они литров по десять, а то и больше воды.

По воду женщины минангкабау ходят часов в пять-шесть утра, когда и вода в источнике прохладнее, да и солнце еще не лютует. И вода в таких ведах очень долго остается прохладной: ведь стенки толсты, а наружный слой ствола глянецвит и отражает солнечные лучи. Поэтому в бамбуковых обрубах не только носят, но и хранят воду. Чтобы ведро не опрокинулось, его вкапывают в землю где-нибудь в тени. Вода вдобавок не приобретает посторонних запахов и остается вкусной: бамбук не ржавеет, не окисляется и не гниет, если хорошо высушен. Ну и, конечно, не следует забывать, что бамбук растет повсюду. Сколько надо ведер, столько и нарежешь...

Н. БАРАТОВА